

И. М. Михайлова

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В НИДЕРЛАНДАХ¹

История изучения голландцами русского языка насчитывает несколько столетий, однако в прежние века они делали это в чисто практических целях, в основном, в связи с развитием торговли между двумя странами. Чаще всего переводчиками выступали голландцы, прожившие какое-то время в России, или русские, живущие в Нидерландах. Так, при снаряжении экспедиции Баренца по Северному Ледовитому океану вдоль российского побережья в конце XVI века на борт был взят некто Михаил, обитавший в Энххёйзене и женатый на голландке². В XVII в., при царе Алексее Михайловиче Тишайшем, в московском Посольском приказе думным дьяком служил голландец Андрей Виниус, работавший в том числе и в роли толмача — в частности, во время приема в Москве посольства Генеральных Штатов в 1664–65 г.³ С нидерландской стороны переводчиком был Абрахам ван Асперен. Подобные толмачи иногда писали для себя и для своего окружения пособия по русскому языку, которые носили, разумеется, чисто прикладной характер.

Научный интерес к русскому языку возник на рубеже XIX—XX вв. среди лингвистов Лейденского университета, которые стали изучать строй русского языка в контексте балто-славянских языков в целом. Первая в Нидерландах Кафедра балто-славянских языков, давшая толчок к развитию славистики в Нидерландах, была создана в 1913 г. в Лейденском университете благодаря усилиям выдающегося филолога Николаса ван Вейка (Nicolaas van Wijk, 1880–1941).

Николас ван Вейк родился в городке Дельдене в семье пастора⁴. Большую часть детства провел в г. Зволле, где учился в школе. В 1898 г. стал студентом Амстердамского университета, занимался санскритом и готским языком у легендарного профессора К. К. Уленбека. В 1902 г. в возрасте всего лишь 22 лет он защитил диссертацию по индоевропейистике. После этого прошел длительные стажировки в Лейпцигском, затем в Московском университете (1903 г.). Здесь у него и возникает интерес к русскому языку и литературе, по возвращении в Нидерланды он пишет цикл статей «Гамлеты русской литературы» (*De Hamlets van de Russische letterkunde*, 1904), но в основном занимается сравнительным языкознанием и германистикой. А именно, в 1912 г. вышел его этимологический словарь нидерландского языка, созданный на основе старого, составленного немцем Й. Франком. Но став в 1913 г. профессором Кафедры балто-славянских языков в Лейденском университете, Николас ван Вейк посвящает уже все свое время русскому языку и литературе, причем публикации его предназначаются не только для специалистов, но и для широкой публики. Николас ван Вейк был одним из немногих голландцев — иностранных членов АН СССР (с 14 января 1928 г., см. официальный сайт Российской Академии Наук). Как славист и страстный поклонник русской литературы он отличался удивительной разносторонностью: прекрасно знал целый ряд славянских языков, был автором книг по церковно-славянскому языку и по истории русской словесности. Он занимался также фонологией, диалектологией славянских языков и вопросами диалектальных смешений.

Николас ван Вейк не имел семьи, дом его был всегда открыт для тех, кто обращался к нему за помощью, — в том числе для иммигрантов из России и Польши. Теплые воспоминания о нем как об исключительно отзывчивом человеке оставили его студентки: Этти Хиллесюм (1914–1943 — о ней ниже) и историк и культуролог Анни Ромейн-Весхоор (1895–1978)⁵. Н. ван Вейк скончался в 1942 г. в Лейдене после непродолжительной болезни. Он похоронен рядом с умершим раньше его приемным сыном, который был православным. Николаса ван Вейка отпевали также по православному обряду.

К тому же поколению, что и Н. ван Вейк, принадлежали Бруно Беккер (Bruno Bekker 1885–1965) и Борис Рапчинский (Boris

Raptschinsky 1887–1983), оба иммигранты из России, сыгравшие огромную роль в приобщении голландцев к русской культуре и русскому языку.

Петербургский немец **Бруно Борисович Беккер**⁶ был выпускником Санкт-Петербургского университета, где он изучал древние языки и историю. В 1912 г. он защитил здесь докторскую диссертацию о немецком гуманисте XVI в. Себастиане Франке. Его интерес к «северному гуманизму» вылился в увлечение великим нидерландским гуманистом Дирком Коорнхертом (1522–1590). В 1913 г. он получил стипендию от Российского правительства для поездки в Нидерланды с целью изучения рукописей Коорнхерта. Занимаясь Коорнхертом, Беккер освоил нидерландский язык XVI в., с которого впоследствии, для общения с коллегами, с большим трудом перешел на современный нидерландский. Октябрьскую революцию Беккер встретил в России, будучи приват-доцентом Санкт-Петербургского (Петроградского) университета. В 1920 г. он стал профессором этого университета по Новой, затем Новейшей истории. В 1921 г. его жена и четырехлетняя дочь переехали в Германию для поправки здоровья. А через год к ним присоединился и сам Бруно Беккер. Чтобы продолжать исследование рукописей Коорнхерта, он вскоре перебрался с семьей в Амстердам, где лишь в 1930 г. получил место в университете. На слушавших его первую лекцию студентов он произвел неизгладимое впечатление своей увлеченностью, из-за которой его лекция длилась втрое больше, чем полагалось по расписанию, старомодной эмоциональностью речи и тем, что пришел в университет во фраке. Нидерландское гражданство было предоставлено Бруно Беккеру в 1935 г. Он преподавал в Амстердамском университете не только и не столько русский язык, сколько общетеоретический курс по истории и культуре России, по русской литературе. Студенты и коллеги ценили его занятия и за их высокий уровень, а также за то, что Бруно Беккер вырос и получил образование в России, так что знал свой предмет «из первых рук».

В 1945 г., когда в Амстердамском университете была создана кафедра славистики, он стал ее заведующим, а в 1948 г. — директором тогда же сформированного «Института России» (в 1961 г. преобразованного в «Институт Восточной Европы»). Он вошел в историю голландской славистики как яркая, обаятельная лич-

ность и талантливый педагог, оставивший после себя много благодарных учеников (среди которых знаменитая переводчица Алейда Схот, историк Ян-Виллем Беземер, писатель Карел ван хэт Реве и многие другие).

Борис Наумович Рапчинский⁷ (в России Рябчинский, в Нидерландах Rapschinsky) известен в первую очередь как автор прекрасных словарей (русско-нидерландского: Rapschinsky B. Russisch-Nederlands Woordenboek, Thieme-Zutphen, 1921, 2-е изд. 1952, и нидерландско-русского: Nederlands-Russisch, Thieme-Zutphen 1924), которыми вплоть до 70-х годов пользовались все нидерландские слависты. Он родился в еврейском местечке на Украине, близ Кременчуга, недалеко от гоголевских Миргорода и Диканьки. В гимназические годы он вместе с другими еврейскими юношами пытался бороться против социальной несправедливости, в том числе притеснения евреев, и в 1906 г. был посажен в тюрьму. В 1907 г. ему удалось бежать из России через Краков в Вену. В том же году он приехал в Амстердам, где познакомился с другим выходцем из России, Давидом Персоном — братом своей будущей жены — и через него вошел в круг амстердамских социалистов-сионистов. С 1909 по 1912 г. Б. Рапчинский мечется в поисках заработка между Амстердамом и Парижем, но с 1912 поселяется в Амстердаме, где женится в 1913 г. на Маше Персон, работавшей шлифовальщицей брильянтов, которая уже успела хорошо выучить нидерландский язык. В 1916 г. у них рождается дочь Людмила. Вскоре освоив нидерландский не хуже жены, Б. Рапчинский публикует в 1920-е годы множество статей и переводов, в частности, русских былин и сказок (Russische heldensagen en legenden, 1924, Sprookjes uit verre landen 1924), а в 1925 г. защищает в Амстердамском университете докторскую диссертацию на тему: «Пребывание Петра Великого в Голландии в 1697–1698 гг.». В конце 20-х годов выпускает двухтомную «Историю русского народа» (De geschiedenis van het Russische volk. Deel 1 en Deel 2. 1927–1929).

В 1932 г. после получения нидерландского гражданства, Рапчинский становится приват-доцентом Утрехтского университета. Он пишет статьи на политические и философские темы, а также о русской литературе, и организует литературные вечера. В 1935 г. выходит в свет его сочинение «Тревога» (Oprust, 1935), в котором он рассматривает в широком историческом контексте

преследование евреев и других малых народов, и задает вопрос читателям, сделали ли они что-нибудь, чтобы прекратить истребление целых народов в цивилизованном XX веке. В июне 1935 г. в Амстердам приезжает Евгений Замятин: он останавливается у Рапчинского и выступает в литературном обществе «Кружок» с чтением своих произведений. В 1937 г. Рапчинский возглавляет комитет по подготовке в Амстердаме вечера к столетию со дня смерти Пушкина.

После оккупации Нидерландов Германией в 1940 г. Рапчинский, как и все граждане Нидерландов, состоящие на государственной службе, должен был заполнить анкету о своем происхождении — арийском или неарийском. Он отказывается ее заполнять, мотивируя это тем, что якобы не знает своего происхождения, и по собственной воле уходит с должности приват-доцента. Оккупационные власти не трогают его семью до тех пор, пока Людмила не выходит в 1942 г. замуж за человека, открыто называвшего себя евреем. Молодых супругов немедленно депортируют в Освенцим, где оба погибают. После смерти Людмилы ее родители отделились друг от друга, и спутницей жизни Рапчинского стала подруга его дочери Жанетт Теенгс.

В послевоенные годы Рапчинский много занимается литературой. В 1946 г. выпускает «Сказки русских лесов и степей» (*Sprookjes van de Russische wouden en steppen*) — сборник, включающий не переводы, но авторское изложение баек, услышанных в детстве от матери, большой любительницы историй о всевозможной нечисти (вспомним раннего Гоголя). В 1948 г. Рапчинский переводит на нидерландский «Николау Милостивого» А. М. Ремизова (*Nikola de Barmhartige. St. Nicolaas in het Oosten*). В связи с этим изданием между Рапчинским и А. М. Ремизовым завязалась переписка, длившаяся до 1954 г. Последней значительной работой Рапчинского было исследование «Династия Романовых» (*De Romanows. Roem en tragedie van het huis Romanow*. 1970). Рапчинский умер в возрасте 96 лет, пережив свою молодую жену.

Среди славистов последующих поколений, которые изучали русский язык в университетах под руководством троих описанных «отцов нидерландской славистики» или их преемников, есть немало известных литераторов. Двоим из них, литературоведу и эссеисту Карелу ван хэт Реве, а также прозаику Кейсу Верхейлу,

посвящено немало публикаций на русском языке⁸. Поэтому здесь вкратце расскажем о двух других.

Этти Хиллесум (Ester "Etty" Hillesum, 1914 — 1943) знаменита как автор дневника, который был впервые издан в 1981 г. под названием «Нарушенная жизнь» ('Het verstoorde leven. Dagboek van Etty Hillesum 1941-1943') и сразу стал сенсацией; в 2011 г. он вышел уже 28-м изданием⁹. Отец Этти был голландцем, преподавателем классических языков и словесности, мать родилась в еврейской семье в России, откуда бежала от погромов в 1907. С 1932 по 1939 г. Этти изучала право в Амстердамском университете, затем стала заниматься русским языком в Лейденском университете. В дневнике она ярко описывает свои переживания после известия о смерти любимого учителя Николаса ван Вейка. Свой дневник Этти Хиллесум начала вести по заданию психотерапевта, у которого проходила курс, оказавшись в психологическом тупике. Перед ней стоит цель — разобраться в себе и зафиксировать те изменения, которые происходят в ее самоощущении под воздействием курса психотерапии. Это — предельно честный отчет о динамике душевного состояния яркой, самостоятельно мыслящей и литературно одаренной женщины. Ее психотерапевт — еврей, перебравшийся в Голландию из Германии, чтобы спастись от преследований, которого в Англии ждет невеста. В определенный момент между Этти и психотерапевтом вспыхивает любовь, что, разумеется, придает дневниковым записям еще большую силу чувств. Но записи становятся по-настоящему душераздирающими там, где Этти день за днем описывает постепенные, происходящие шаг за шагом страшные изменения в жизни амстердамских евреев во время оккупации, за которыми она долгое время наблюдает с близкого расстояния, работая добровольцем в концлагере Вестерборк. Записи обрываются в октябре 1942 г., когда ее саму из добровольцев перевели в разряд заключенных. 7 сентября 1943 Этти и ее семья были отправлены в Освенцим, где вскоре погибли. Книгу «Нарушенная жизнь» нередко сравнивают с «Дневником Анны Франк», который уже давно признан важнейшим документом, изобличающим нацизм.

Талантливым поэтом, а также переводчиком русских поэтов Иннокентия Анненского и Бориса Пастернака был **Вилфред Смит** (Wilfred Smit, 1933–1972) — уроженец Нидерландской Индии (где

во время войны несколько лет провел в японских концлагерях), выпускник Лейденского университета (1959) и преподаватель русской литературы в Амстердамском университете (с 1969)¹⁰. Еще в школьные годы он показал свои стихи знаменитому нидерландскому писателю Симону Вестдейку, который высоко их оценил и в дальнейшем всячески поддерживал молодого поэта. По настоянию и при содействии Вестдейка Вилфрид Смит издал два сборника: «Арфа на колесах» (*Een harp op wielen* (1959) и «Бахрома» *Franje* (1963), однако популярности они автору не принесли, и тиражи не были раскуплены, — чего и следовало ожидать, так как Вилфрид Смит был труднодоступным поэтом, виртуозом языковой игры и тончайшей иронии, непонятым для непосвященных, зато восхищавшим немногочисленных подготовленных читателей: что называется «поэтом для поэтов». Эти неудачи так огорчили автора, что он долго отказывался от публикации третьего сборника, и согласился на это лишь после долгих уговоров издателя. В 1971 г. вышло его «Собрание стихов» (*Verzamelde gedichten*. 1971), куда были включены также ранее не издававшиеся стихотворения. Этот сборник получил несколько больший резонанс, чем первые два, но был известен лишь в самом узком кругу.

Вилфрид Смит умер в 39 лет от опухоли головного мозга. После его смерти его поэзия стала постепенно привлекать все больше внимания, вследствие чего в 1983 г. увидело свет полное собрание его стихов (*Verzameld werk*, 1983), за которым последовало собрание рассказов (1988). В 1984 г. нидерландская рок-группа *The Nits* написала песню на текст стихотворения 'Sweet Bahnhof', благодаря чему оно приобрело неслыханную популярность.

В целом, оглядываясь на историю изучения русского языка в Нидерландах, можно отметить, что в интересе голландцев к русскому языку и к русской культуре наблюдаются взлеты, падения и новые взлеты, определяющиеся разными факторами — политическими, экономическими, чисто-научными, человеческими. Трое «отцов нидерландской русистики», заложивших основы преподавания русского языка в нидерландских университетах, пришли к этому совершенно разными путями. Среди нидерландских русистов было немало талантливых личностей, напомнить о которых мы и попытались в данной статье.

¹ О современном состоянии русистики в Нидерландах, в частности, о переводчиках русской литературы на нидерландский язык см. в статье: Михайлова И. М. О нидерландских переводах, переводчиках, издателях и читателях русской литературы // Россия — Нидерланды: История и современность. СПб., 2010. С. 182–194.

² Вейр Х. де. Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597. М., 2011. С. 206.

³ Витсен Н. Путешествие в Московию 1664–1665. СПб., 1996. С. 95, 96.

⁴ Подробное изложение биографии Н. ван Вейка содержится в кн.: *Henrichs J. P. Vader van de slavistiek. Leven en werk van Nicolaas van Wijk (1880–1941)*. Amsterdam, 2005.

⁵ На русский язык переведена одна книга Анни Ромейн: *Ромейн А., Ромейн Я. Столпы нидерландской культуры*. М., 2009.

⁶ Сведения о биографии и архиве Бруно Беккера в Международном институте социальной истории (Амстердам): <http://www.iisg.nl/archives/en/files/b/ARCH02483.php>

⁷ *Эйтен-Коопманс Я. ван*. Борис Наумович Рапчинский (1887–1983) // Ремизов и Голландия: переписка с Б. Н. Рапчинским. М., 2004. С. 78–87.

⁸ О писателях-славистах Кареле ван хэт Реве и Кейсе Верхейле: Михайлова И. М. 1) Карел Ван хэт Реве (1921–1993) // Россия и Голландия. Книжные связи XV–XX веков. СПб., 2000. С. 351–360; 2) О Кейсе Верхейле и о повести «Гроза в Альпах» // Сообщения Российско-нидерландского научного общества. СПб.: 2003. С. 292–298; *Пулин А. А.* Кейс Верхейл и его книга // Верхейл К. Вилла Бермонд. СПб., 2000. С. 5–12.

⁹ *Hillesum E.* In duizend zoete armen: Nieuwe dagboekantekeningen van Ety Hillesum (ingeleid door Jan Geurt Gaarlandt). Haarlem, 1984.

¹⁰ О нем см.: *Groenewegen H.* Wilfred Smit // *Kritisch literatuur lexicon*. Februari 1997. P. 1–13

Irina Michajlova

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGE STUDIES IN NETHERLANDS

The article tells about three ‘fathers of Dutch Slavistics’ and two Dutch authors who had studied Russian at university. The Dutchman Nicolaas van Wijk (1880–1941) learned Russian because of his interest to comparative historical linguistics, especially after his study course at Moscow University in 1903. The Russian German Bruno Becker (1885–1965) was first professor of history at St. Petersburg University; he went to Holland in 1913 in order to read the manuscripts of the Dutch 16th century humanist Dirk Coornhert. The Russian Jew Boris Raptshinsky (1887–1983) arrived in Amsterdam in 1907 after escaping from Russian prison. The diary of Ety Hillesum (1914–1943) saw in 2011 its 28th edition, while the poet Wilfred Smit (1933–1972) was really appreciated only about 15 years after his early death.